

ПРОБЛЕМА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье рассматривается бытование проблемы крепостного права в пространстве политического интеллектуализма России XIX–XX вв. Автор концентрирует свое внимание на анализе интеллектуальной конструкции крепостного права, которая была представлена в трудах историков права историко-юридической школы – единственной развитой научной школы в российской историографии. Автор, вслед за представителями историко-юридической школы, возражает против трактовки крепостного права как политической, социальной и психологической травмы российской цивилизации и подчеркивает его неизбежное и органическое происхождение как одной из главных особенностей российского политического пространства.

Ключевые слова: крепостное право, интеллектуальная модель, историко-юридическая школа, российская цивилизация, политическая история.

Русский интеллектуализм уже в XVIII–XIX вв. воспринимал наличие в нашей истории крепостного права как центральную проблему для определения культурно-исторической и политической специфики российской цивилизации.

Крепостничество было характерно не только для России. Оно существовало в западноевропейских странах в XI–XV вв. и в странах Центральной и Восточной Европы в XVI–XVIII вв. Но в этих регионах оно связывалось с феодализмом и могло включать либо все, либо некоторые формы внеэкономического принуждения. Российские же дореволюционные историки и историки права не склонны были признавать наличие феодализма в России и поэтому идентифицировали отечественное крепостное право как специфику российской цивилизации.

Среди историков до сегодняшнего дня нет единства мнений относительно степени распространения крепостнических отношений

в России, а также факторов, их породивших. В советской историографии было принято рассуждать о закрепощении только крестьян и посадских. Историки объясняли происхождение крепостного права ужесточением внеэкономического принуждения, побегам крестьян и посадских и интересами служилых людей. Отмену же крепостного права связывали с кризисом крепостнической системы хозяйства.

В западной историографии поныне придерживаются наиболее авторитетной в классической российской историографии теории закрепощения и раскрепощения сословий, однако, когда начинают размышлять о крепостном праве, в качестве закрепощенного сословия имеют в виду только крестьянство. Способствовали же закрепощению крестьянства, по мнению западных историков, их экономическая задолженность и заинтересованность помещиков в рабочей силе в условиях барщины. В целом западные историки практически солидаризируются с версией дореволюционной российской историко-юридической школы, чего они сами и не скрывают¹.

Так какую же интеллектуальную модель российского крепостничества сконструировала и представила историко-юридическая школа в отечественной историографии?

Для историко-юридической школы проблема крепостного права являлась главным вопросом переживаемого исторического времени и современной ей науки, поэтому ее крупнейшие представители стремились обосновать свою точку зрения по данному вопросу. Представители старшего поколения историко-юридической школы – К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и С.М. Соловьев – выводили закрепощение крестьян из особенностей географических и политических условий России.

По версии К.Д. Кавелина, внутренний строй российского общества был определен первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени – дом и двор в составе главы семьи и домочадцев. Появившейся затем княжеский двор повторил эту структуру отношений; князь – глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же определило основание политической власти Московского государства. Царь – безусловный господин и наследственный владелец земель, народ – его холопы и сироты. Царь – защитник народа, это его долг и обязанность. Каждый член общества, в свою очередь, обязан нести службу в пользу государства.

По мнению Кавелина, с XVII в. в России устанавливается всеобщее крепостное право – определенную повинность должен был нести каждый «до смерти и наследственно». Постепенно закреп-

пошались все группы населения. Крепостное право, по Кавелину, было основанием всей общественной жизни и прямо вытекало из внутреннего быта великорусского дома и двора. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В нравах и убеждениях народа крепостное право поддерживалось не насилием, а сознанием².

Б.Н. Чичерин исходил из признания крестьян юридически свободными до конца XVI в. В основе его соображений была теория «всеобщего брожения». По мнению Чичерина, вотчина положила начало оседанию крестьянства с его обязанностью тягла, но не сняла свободу перехода. Эта неустойчивость хозяйственных отношений лишала прочной основы политическую организацию, мешала переходу к государственному быту. Прикрепление крестьян к земле и к тяглу непосредственно служило развитию общественных сил и государственного строя. Рассеянность народных сил породила закрепощение. В результате постепенного создания государством сословного начала может начаться процесс государственного раскрепощения³.

Вслед за Чичериным и С.М. Соловьев писал о непрочности общественных связей в Древней Руси, о «волнующемся жидком состоянии общества» до закрепощения сословий, о бродяжничестве крестьян, преодолеваемом силой государственной власти. По мнению Соловьева, только правительственная власть связывала людей. В отличие от Чичерина Соловьев не думал, что крестьяне были закрепощены единым юридическим актом, но полностью разделял существо теории «закрепощения и раскрепощения сословий» государством⁴.

Государственники «молодого» поколения историко-юридической школы – А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич и Ф.И. Леонтович – во второй половине XIX – начале XX в. с позитивистских позиций продолжили освещать в своих трудах ставшую еще более актуальной в политическом плане для российской цивилизации историческую проблему происхождения и особенностей крепостного права в России. Платформу их теоретической модели составили идеи «старшего» поколения историко-юридической школы.

Так, Ф.И. Леонтович в работе «Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий» выяснял общие черты процесса закрепощения в центральных областях России и в Юго-Западной Руси, но больше концентрировал свое внимание на особенностях. Леонтович отказался от точки зрения Чичерина об одновременном закрепощении крестьян в XVI в. в Юго-Западной Руси и центральных районах России. По мнению Леонтови-

ча, закрепощение крестьян везде было длительным и постепенно протекавшим процессом. Невозможно указать момент, с которого и начинается несвободное состояние крестьян. Переход к нему совершался незаметно: мало-помалу крестьяне опутывались сетью зависимых отношений, которые проистекали из разных источников и дали начало не менее разнообразным категориям крестьянства. Однако в целом Леонтович считал деятельность государства решающим условием закрепощения крестьян и рассматривал отношения между крестьянами и помещиками как правовые, что роднило его взгляды и взгляды Чичерина⁵.

А.Д. Градовский, принимая в целом точку зрения «старшего» поколения историко-юридической школы, вносил в нее существенные дополнения и уточнения. По его мнению, в России тянули данью и судом по земле и по воде. На феодальном языке Западной Европы это выражение означало бы подчинение всех сословий владельцу, на земле которого они сидели. В России же это означало подчинение *всех* государственной власти: сел, волостей и дружинников в качестве землевладельцев. Поземельные отношения пока не установили рабства и крепостного состояния – отношение к земле было вольным. Рабство и крепость имели своим источником, утверждал Градовский, личные отношения и вытекали из обязательств, установившихся от лица к лицу непосредственно. Этим объясняется тот странный факт, что господство человека над человеком по началам частного права не изменило юридический быт древней Руси. Несмотря на то что рабство имело много источников, оно не захватило всего русского общества и закрепление крестьян ожидало государева указа, изданного в виду государственных, а не частных целей.

Законодательство до XVIII столетия различало холопов и крестьян. Смещение этих групп населения последовало в результате правительственного распоряжения, а именно вследствие переписи 1719 г. Таким образом, подводит итог Градовский, начала частного права не имели такого влияния на развитие нашего государственного быта, как это полагал Чичерин⁶.

Многие обязательства служили поводом к закреплению. Но это были личные обязательства, которые могли перейти в домашнее рабство, а никак не в рабство поземельное. Это имело важное значение для русского государственного быта: личная власть и личные отношения не могли захватить в крепость такого громадного количества людей, как это сделало крепостное право, основанное на поземельных отношениях. Существование свободного крестьянства могло держаться в России рядом с сильнейшим холопством. Лич-

ные обязательства могли привести к ограничению свободы лица; по земле все подчинялись только государству и потому считались свободными членами русского общества.

Поэтому, с точки зрения личных прав, крестьянство издавна составляло одно целое. Во весь киевский период на Руси не образовалось ничего похожего на крепостное право, т. е. ни один владелец из своих землевладельческих прав не выводил никакой власти на лиц, живших на его земле. Еще меньше возможностей для развития крепостного права вытекало из понятий собственности в эпоху реформ Ивана Грозного. Причина этого заключалась в том, что в это время землевладельцы не могли иметь больше прав на крестьян, чем на землю. Действительно, Судебник не только не сократил, но даже расширил, дал больше юридической определенности личной свободе крестьян как членов русского общества. Сносясь с крестьянами через общину, имея дело больше с землей, чем с крестьянами, правительство не имело нужды пока касаться личной свободы крестьян и не имело желания закрепощать их в пользу частного владения, которое само же и расшатало.

Этим, по версии Градовского, объясняется странное противоречие древнерусской жизни – совмещение полного закрепления высших классов и сравнительно большая свобода крестьянства. Причина этого заключается в том, что личные отношения и обязанности, соединявшие старую дружину с князем, должны были кончиться полным ее холопством, а крестьяне, постоянно сносившиеся с князем через землю и при посредстве общины, сохраняли свою свободу дольше. В то время как знатнейшие дружинники были уже полными холопами царя, правительство противилось закрепощению крестьян. Ограждая личную свободу крестьянина, Судебник заботился и о его собственности; причина этой заботливости заключалась в том, что крестьянин наравне со всеми другими отбывал государственные повинности.

Только сделав крестьянина принадлежностью земли, правительство могло придать черным вытям и поместьям их настоящее финансовое значение. Из этой потребности отбывания государственных податей и повинностей, с одной стороны, и службы – с другой, возникло в конце XVI в. явление, известное в нашей истории под именем «крепостное право»⁷. Уничтожение крестьянского перехода имело ближайшей целью поверстать все тяглые единицы Московского государства рабочей силой, и правительство не могло это сделать иначе как уничтожив древнее право перехода. В первое время существования крепостное право воспринималось только как мера правительства. Боярство было недовольно этой мерою так

же, как и крестьянство. Но не подлежит сомнению, что эта мера коренным образом изменила быт крестьянского сословия и прежде всего подорвала крепость крестьянской свободы. Таким образом, Градовский первым дал развернутое определение крепостного права – того явления нашей истории, которое во многом определило качественное своеобразие и специфику российской цивилизации.

Устои крестьянской свободы были расшатаны преимущественно тем, что законодательные постановления, обеспечивавшие личную свободу крестьянина, противоречили узаконениям, лишавшим их материального обеспечения. Единственным богатством крестьянина как земледельческого сословия всегда и везде является земля. Между тем, это единственное богатство крестьянина все больше выходило из его рук, так что во времена Судебника материальное положение крестьян было крайне жалким. Политика правительства прямо или косвенно сосредотачивала всю землю в руках государства. С XV столетия установилось общее правило, что землю можно владеть только отбывая повинность или службу. Но земля, бывшая предметом частного владения, сосредотачивалась в руках дворянства.

В конечном итоге Градовский приходит к оригинальному выводу. Он доказывает, что обезземеление крестьянства было печальным, но всеобщим фактом XVI века. Вдумываясь в его значение, нельзя не прийти к заключению, что крепостное право еще было хорошим исходом из этого положения вещей. Может быть, без него крестьян ожидало бы простое холопство или полное рабство. Правительство энергично пыталось охранить крестьян от этого, о чем свидетельствуют Судебники. Но что может сделать законодательство, когда все условия экономической жизни против него? Холопство принимало страшные размеры, и указ, закрепивший крестьян, спас их от худшей доли. Он сохранил человеческую личность, сделал крестьянина частью земли, а не домашней вещью владельца, а это дало впоследствии возможность освободить крестьян с землею⁸.

В 1875 г. в первом издании «Начал русского государственного права» А.Д. Градовский развивает свои идеи об оформлении крепостного права. В деле закрепощения крестьян законодательство развивалось постепенно. Судебник 1497 г. назначил Юрьев день. К концу XVI в. закрепощение распространилось на всех горожан и сельских обывателей. Но в этой массе закрепощенных черных людей городские и сельские обыватели еще не выделяются. С усилением крепостного права городские и сельские общины стремятся к разделению. В XVII в. городские и уездные люди уже строго раз-

граничены. Рядом с установлением государственного крепостного права оформляется крепостное право частное. Оно настигало людей, сидящих на владельческих и монастырских землях. Но и частное крепостное право возникло также из общих государственных соображений и из финансовых нужд правительства.

Крепостное право в собственном смысле слова было неизбежным следствием общей системы государственных тягл. Крепостное право явилось обеспечением материальными средствами владельца, обязанного служить, и, кроме того, средством исправного отбывания повинностей, лежащих на крестьянах. Впоследствии из факта прикрепления крестьян к земле развилось право в позднейшем смысле этого слова, т. е. как частная власть лица одного сословия над совокупностью лиц другого сословия⁹. Таким образом, Градовский считал крепостное право не только закономерным, но и прогрессивным явлением для России.

Проблема крепостного права обсуждается в третьем томе капитального труда В.И. Сергеевича «Лекции и исследования по древней истории русского права» (1890). В этом томе – «Землевладение. Тягло. Порядок обложения» – раскрывается природа отношений общества и государства, которые Сергеевич рассматривает в традиции историко-юридической школы. Процесс закрепощения крестьян Сергеевич связывает, как и Градовский, с закрепощением сословий в интересах фиска.

Сергеевич в духе сложившейся профессиональной традиции начинает свое исследование с обзора научной литературы о порядке возникновения крепостной неволи.

Сергеевич отмечает, что еще со времен В. Татищева установилось мнение, что крестьяне лишены свободы перехода особым указом, появившимся в конце XVI в. До половины XIX в. в этом никто и не сомневался. Трактую проблему закрепощения крестьян, М.П. Погодин пошел за М.М. Сперанским. То обстоятельство, что сотрудники Сперанского не нашли указа об отмене перехода в Юрьев день, по его мнению, не являлось случайностью. Сперанский предположил, что такой указ вовсе не издавался в конце XVI в., поэтому Погодин стал поборником концепции безуказного закрепощения крестьян¹⁰.

В статье «Должны ли считать Бориса основателем крепостного права?» Погодин проводит следующую мысль: никакого общего правительственного распоряжения об отмене Юрьева дня не было. В установлении крепостного права виновны обстоятельства, а не Борис: это дело практики, обычаев и частных правительственных распоряжений. Аргументы Погодина вызвали серьезные возражения со стороны Н.И. Костомарова и никого не убедили. Однако

мысль Погодина, по мнению Сергеевича, не прошла бесследно и возродилась благодаря В.О. Ключевскому¹¹.

Ключевский не сомневался, что крепостное право не создано правительством и не было навязано народу законодательством, поэтому напрасно искать закон 1592 г. Источник крепостного права иной: Ключевский ищет экономическое объяснение закрепощения в крестьянском разорении XVI в. и это роднит его с позицией Градовского. Идея Ключевского следующая: крепостное право сложилось вследствие применения к крестьянам-должникам правил о долговом холопстве. Но с середины XVI в. ссуда – общее условие крестьянского договора, поэтому господа применяли к ним условия служилой кабалы и крестьяне становились крепостными¹².

В представлении о внутреннем, естественном процессе развития крепостной зависимости заключалось внешнее наукообразие предложенной схемы, но в основе ее лежит противоречие методологического характера. Ключевский идентифицировал крепостной строй с крепостной зависимостью как системой правовых отношений. Поэтому, вслед за историко-юридической школой, он считал крестьян до XVI в. свободной бродячей массой, а крепостная зависимость, по его мнению, возникла в XVI в. вместе с крепостным правом.

До сих пор, заявляет Сергеевич, все думали, что крестьяне были прикреплены к земле. Ключевский же утверждает, что крестьяне прикреплены к своему званию и к лицу владельца, но не к земле. Однако вопрос в том, были ли применены к крестьянам правила служебной кабалы?

Сергеевич подробно анализирует Судебник 1550 г. и Уложение. В результате он делает вывод, что ничего подобного идеям Ключевского в этих источниках нет. А потому, по его мнению, вопрос о происхождении крепостного права остается в том же положении, что и до Погодина.

В.И. Сергеевич, как и все сторонники историко-юридической школы, выводит крепостное право из нужд служилого государства, из иерархии сословных тягл, проводит по этим направлениям сопоставление России с феодальным Западом. Падение феодализма и всех сословных различий на Западе явилось средством объединения государства. В России же сословия были продуктом государственной деятельности по обеспечению служилых функций населения, и централизация оказалась результатом закрепощения сословий. Россия вовсе не знала феодализма. Данный подход к проблеме закрепощения и феодализма полностью разделял А.Д. Градовский. Таким образом, представители «молодого» поколения историко-юридической школы, в духе главных идей государственников, дали

целостную концепцию отношений сословий и государства в русском историческом процессе, исходя из его специфических черт.

Собственные суждения Сергеевича о природе крепостного права были достаточно оригинальны. По его мнению, с установлением обязательной службы для своеземцев и вотчинников и с точным определением размеров этой службы неудобства описанных хозяйственных порядков особенно должны были почувствовать землевладельцы. Самой выгодной системой землепользования была барщина, но переход на барщину при свободном крестьянстве не зависел от воли землевладельцев. У кого было много земли, тот мог легко справиться со своими служебными обязанностями, но людям малоземельным приходилось очень тяжело. Такое положение дел должно было вызвать жалобы на недостаток рук, на неудобства свободного перехода крестьян и стремление к его ограничению вплоть до совершенной отмены. Прикрепление крестьян и переход от подворных хозяйств к большим деревням с барщинным хозяйством мог быть желателен и для крестьян-собственников, но особенно стремились к нему мелкие владельцы.

Сильные люди были против прекращения свободного перехода. В чью же пользу были закреплены крестьяне? В пользу мелких служивых людей, которые составляли ядро войска. Голос этих служивых, утверждает Сергеевич, ясно слышался в указе 1642 г., назначавшего десятилетнюю давность для сыска беглых крестьян¹³.

Обоснование конкретных социально-экономических причин закрепощения крестьян, данное Сергеевичем, было столь неожиданным, что не встретило особой поддержки у коллег-историков. Однако общая модель происхождения крепостного права в России – из системы тягл в интересах служилого государства – была выдержана Сергеевичем и солидаризировалась с другими членами «молодого» поколения историко-юридической школы – А.Д. Градовским и Ф.И. Леонтовичем.

Таким образом, историко-юридическая школа – и «старшее» и «молодое» поколения – сконструировала обобщенную интеллектуальную модель крепостного права, которая в силу своей исторической адекватности стала наиболее авторитетной в дореволюционной российской и европейской историографии. Суть ее заключается в том, что происхождение крепостного права относилось к XVI–XVII вв. и объяснялось потребностью государства в прикреплении населения к определенному месту жительства и определенным повинностям (тяглу) с фискальными и военно-политическими целями. Поэтому закрепощение сословий стало всеобщим и к XVIII в. единственным свободным человеком в России был царь.

Закрепощение крестьян связывалось с ростом их экономической задолженности и необходимостью обеспечивать находившихся на государственной службе лиц гарантированной рабочей силой. В результате именно государственные соображения и нужды стали главными факторами закрепощения – эта версия была признана доминирующей. Однако представители историко-юридической школы видели и более глубинные причины крепостного права – культурно-психологические. К.Д. Кавелин утверждал, что источник крепостного права заключался «в народных нравах и убеждениях и поддерживался не насилием, а сознанием»¹⁴.

Такая уж у нас страна: холодный климат, большие расстояния, скудный прибавочный продукт. Оттого единственный способ жить и развиваться – это впрягаться всем миром, главное – чтобы поровну и сообща. Поэтому крепостное право в России сложилось исторически, развивалось стихийно и явилось необходимой составляющей российской действительности. С точки зрения историко-юридической школы, это был рациональный ответ России на вызов пространственного местоположения и трудных условий обитания.

В 1861 г. Россия оставалась единственной великой державой, где сохранялось крепостное состояние. Крепостное право отменялось сверху не потому, что оно исчерпало свои экономические возможности, а потому, что этого требовала общественность, ибо было грешно владеть христианской душой. Отсюда сохранение в стране пережитков крепостничества в общественном сознании, в социальных и экономических отношениях, которые оказались столь живучи и глубоки, что еще в XX в. оказывали травмирующее воздействие на политические и социальные практики российской цивилизации.

Таким образом, наличие крепостного права в социально-политическом пространстве России трактуется как ее главная цивилизационная особенность. Крепостное право стало проявлением слабого развития индивидуализма, оно было средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества. И поскольку в модели российской цивилизации крепостное право в силу своей специфики занимает такое выдающееся место, то и дискуссии вокруг его содержания и последствий для страны остаются актуальными для современного российского интеллектуализма.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 360.

² См.: *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. Стб. 221.

- ³ См.: *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 227–228.
- ⁴ См.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 7 (т. 13–14). М., 1997. С. 764.
- ⁵ См.: *Леонтович Ф.И.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863. С. 4–5.
- ⁶ См.: *Градовский А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 5. С. 405–406.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 449–450.
- ⁹ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: В 2 т. Т. 1. СПб., 1875. С. 190–192.
- ¹⁰ См.: Русская беседа. 1884. № 5.
- ¹¹ См.: *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // Русская мысль. 1885. № 8, 9, 10.
- ¹² См.: *Ключевский В.О.* Опыты и исследования: Первый сборник статей. СПб., 1885.
- ¹³ См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В 3 т. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1909. С. 151–153.
- ¹⁴ *Кавелин К.Д.* Указ. соч. Стб. 228.